

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Я помню Хвирён* по летним запахам... Благовоний буддийского храма, воды и мха из долины, леса, моря во время прогулок в порту, пыли в дождливые дни, гниющих фруктов в рыночных переулках и лечебных трав, которые кипятили в клинике традиционной медицины после сильного ливня... Для меня Хвирён навсегда остался городом, где царило лето.

Впервые я приехала туда, когда мне было десять.

Я провела в бабушкином доме около десяти дней, в течение которых она неустанно водила меня повсюду, показывая город. Мы ездили на автобусе в буддийский храм, спрятанный в горах, и ходили на морское побережье неподалеку от дома. А еще мы ели только что приготовленные горячие пончики и квабеги** на рынке, включали дома музыку и танцевали вместе с ее друзьями.

Маленькой мне небо в Хвирёне казалось намного выше и синее сеульского. Я до сих пор не могу забыть, как мы с бабушкой ходили любоваться на ночное

* Хвирён, или Хирён (희령), — досл. «светлый, яркий, солнечный залив». Вымышленный город на побережье Кореи. *Здесь и далее — прим. пер.*

** Жаренные в масле сладости из двух длинных скрученных полосок теста, сделанные на основе пшеничной или рисовой муки.

небо. Тогда я впервые невооруженным глазом увидела Млечный Путь и поначалу потеряла дар речи. Голова закружилась, и в животе появилось странное ощущение.

Я впустила бабушку в свое сердце еще до конца самого первого дня в Хвирёне. Потому что дети такое чувствуют. Они сразу понимают, любит их человек или ненавидит, хочет навредить или защитить.

Прощаясь с бабушкой на автовокзале, я уселась на пол и зарыдала. Не только потому, что успела привязаться к ней: в глубине души у меня было предчувствие, что, возможно, я больше никогда ее не увижу.

В тот день, когда я снова отправилась в Хвирён, мне было уже тридцать два, а заднее сиденье моей машины, несущейся по скоростному шоссе, было полностью завалено предметами домашнего обихода. Это был снежный январский день 2017 года.

Я увидела вакансию научного сотрудника в обсерваторию Хвирёна спустя примерно месяц после развода. Проектная группа, в которой я состояла, как раз закончила очередную работу, и мне некуда было податься. Получив из обсерватории положительный ответ, я сразу же принялась собирать свою сеульскую жизнь в коробки. Кровать и шкаф, письменный стол и стиральную машину, ковер и обеденный стол, мое нижнее белье, к которому прикасались его руки, и посуду — я выбросила абсолютно все. Мы прожили в этом доме без малого шесть лет, поэтому вещам не было конца. Два последних пакета с мусором я вынесла в день переезда.

Только накануне поездки я поискала информацию о том месте, куда направляюсь, в интернете. Хвирён

оказался небольшим городком, к западу от которого растянулись горы высотой около тысячи метров над уровнем моря, а к востоку — побережье. Сельскохозяйственные угодья и городские кварталы располагались в низине у моря, поэтому городок был меньше, чем другие подобные в этом регионе, а его население не превышало и ста тысяч человек.

К тому времени, как я проехала Чхунчхон, снегопад утих, но ветер дул так сильно, что мою маленькую машину немного потряхивало. Несколько раз приходилось даже останавливаться на стоянках вдоль дороги, чтобы подышать воздухом. Обычно меня не укачивало в пути, но в тот период мое психическое и физическое состояние оставляло желать лучшего — я часто ощущала тошноту и головокружение.

Только через пять часов после выезда из Сеула я наконец заселилась в отель в Хвирёне. В полном изнеможении я рухнула у окна, даже не разобрав вещи. За окном виднелось море. Из-за холодной зимней погоды людей на улице не было видно, лишь несколько птиц парили над водной гладью. Я даже не помнила, когда в последний раз так близко смотрела на море. Не знаю, сколько времени я так просидела. С наступлением темноты рыбацкие лодки с яркими фонарями, выстроившись в ряд вдоль берега, начали одна за другой выходить в море. В какой-то момент я поймала себя на том, что пересчитываю количество фонарей на лодках.

В то время я не могла нормально спать. И той ночью тоже несколько раз засыпала и просыпалась. В конце концов, когда сон полностью пропал, я открыла шторы и увидела, как алое солнце всходит за горизонтом. Солнечные лучи растворялись в воде всеми

оттенками красного и проникали даже в мой номер. Я молча наблюдала за движением солнца. До тех пор, пока оно не поднялось высоко в небо и не исчезло из виду.

В тот день я занялась поисками жилья. Я обошла пять квартир, но больше всего мне понравилась самая первая. Она находилась в многоквартирном доме коридорного типа с двумя корпусами, построенном двадцать лет назад. Агент сказал, что в нем в основном живут молодожены и одинокие пожилые люди. Квартира, которую я присмотрела, располагалась на пятом этаже. Внутри было чисто и свежо, дополнительного ремонта не требовалось, за окном вдалеке виднелось море, и солнечный свет буквально пронизывал все пространство. До заселения нужно было подождать около трех недель, но квартира того стоила.

Таким образом, первые три недели в Хвирёне я ездила на работу из отеля. В это время часто шел снег. Иногда снегопад был таким сильным, что солдатам из ближайшей военной части приходилось обходить улицы, вооружившись лопатами. Снег здесь почти не таял. В небольшом провинциальном городке было много мест, не тронутых машинами и людьми, поэтому снег сходил очень медленно.

Примерно в тот период я впервые узнала, как подобная белизна может подавлять людей и внушать им страх. Однажды после снегопада я ехала по дороге, как вдруг сердце бешено забилося и мне стало так трудно дышать, что пришлось остановиться на обочине. Казалось, внутри разом рухнули все защитные стены. Словно механизм, который был создан для того, чтобы сдерживать чувства, внезапно вышел из строя.

В первый же день работы в обсерватории меня спросили, замужем ли я. После моего ответа, что была однажды, последовали вопросительные взгляды, и мне пришлось добавить, что я развелась в прошлом году. Я старалась выглядеть невозмутимой, но сердце забилось сильнее, и я вся словно съежилась. Собеседники, неловко улыбаясь, поспешили сменить тему.

Возвращаясь после работы в отель, я просто лежала на кровати. Из открытого окна доносился шум волн. Иногда я продолжала прислушиваться к их плеску, даже если сама тем временем превращалась в ледышку. Нужно было встать и закрыть окно, но тело не слушалось. У меня не было сил даже налить себе стакан воды, и я так и лежала с пересохшим от жажды горлом.

В зеркале я видела свое тощее отражение — кривая спина, торчащие плечи без следа мышц. Волосы выпадали так сильно, что пришлось сделать каре, от этого я сама себе казалась незнакомкой. Моим единственным утешением были телефонные разговоры с Чиу.

Обычно она звонила мне после захода солнца. Чиу плакала и ругалась вместо меня, она была одной из немногих людей, которые действительно беспокоились обо мне.

— Вот бесстыжий сукин сын! — говорила подруга.

Она называла моего бывшего мужа сукиным сыном.

— Интересно, почему «сукин сын» стало ругательством? — спросила я у нее.

Чиу сказала, что сукин сын — это не детеныш собаки, а просто «выродок», то есть выходящий за рамки «нормальной семьи». Дойдя в своем

объяснении до этого момента, подруга вдруг заявила, что это и правда плохое слово и она впредь не будет его использовать. Затем она последовательно перенесла такие слова, как «сукин сын», «псих» и «урод», и задалась вопросом, почему люди такие незрелые и почему ругательства — это обязательно уничижение слабых.

— Нам нужны новые ругательства. Чтобы нормально выпустить злость — таким был вывод Чиу.

Положив трубку, я написала на листке бумаги: «сукин сын». Несмотря на этимологию, никто не использует это словосочетание в его изначальном смысле. Я представила себе щенка. Вилля хвостиком, он прижимался к штанине человека, которому до него совершенно не было дела.

Почему все же люди говорят «сукин сын» или «щенок», когда хотят кого-то оскорбить? Может, потому, что собаки слишком хорошо к нам относятся? Потому, что любят нас безо всяких условий, не уклоняются от ударов и продолжают вилять хвостом? Потому, что их послушание и симпатия вызывают у нас презрение? Получается, все дело в людях? Думая об этом, я продолжала смотреть на написанное. Казалось, что этот щенок и есть я.

Если сердце — это всего лишь орган, который можно извлечь из тела, то иногда мне хотелось достать его из груди и начисто вымыть теплой водой, обсушить и вынести на солнце — туда, где гуляет морская бриз.

Сама бы я пока пожила без сердца, а затем, снова вложив в грудь хорошо просушенный, мягкий и приятно пахнущий орган, смогла бы начать жизнь заново. Иногда я воображала себе такое.

В день переезда я принесла вещи, которые все это время валялись на заднем сиденье машины, в новую квартиру. Имущества у меня было немного: одежда и посуда, книги и ноутбук, телескоп и телевизор.

Дом, в котором мне предстояло жить, располагался на возвышенности в западной части города. На подъезде к жилому комплексу имелся сетевой супермаркет, а с обратной стороны начиналась горная тропа для прогулок. В нескольких частных домах около супермаркета дворы превратили в огороды, неподалеку бежал ручей. На улице, тянувшейся к северу от жилого комплекса, теснились частные и многоквартирные дома. Если пройти на восток, можно было попасть на пляж. Его называли Черепашьим, потому что там стояла черная скала, похожая на панцирь. В окрестностях пляжа было много ресторанчиков, подающих туристам хве* и жареных моллюсков, но зимой улицы приморского городка пустовали.

Я переехала не так давно, но мне казалось, что я живу здесь целую вечность. Здесь было невероятно тихо. После жизни в Сеуле такая тишина меня даже немного пугала.

В то время я одновременно и ненавидела людей, и отчаянно желала найти родственную душу. Мне хотелось болтать вечерами напролет с друзьями, как раньше в Сеуле, хотелось, чтобы хоть кто-то был всегда рядом, на расстоянии вытянутой руки, чтобы он всегда был на моей стороне. Но при этом я не стремилась иметь слишком близкие и прочные отношения, в которых доверяешь человеку самое сокровенное и полагаешься друг на друга во всем. Для

* Корейское блюдо из сырой рыбы, нарезанной ломтиками.

меня семейная жизнь была именно такой, но теперь я больше не верила, что подобные отношения возможны.

Ближе к концу зимы я снова научилась закрывать окна, когда становилось холодно, и пить воду, когда пересыхает в горле. По ночам мне все еще было тяжело, но я больше не рыдала, сжимаясь всем телом в комок. Я снова научилась спать по два или три часа подряд. Но на вопрос «Стало ли лучше?» я пока еще не могла с легкостью дать положительный ответ.

Мама приехала навестить меня спустя два месяца после моего переезда.

Она покопалась в мусоре, стоявшем в прихожей, проверяя, правильно ли я его рассортировала, сняла обувь и прошла в квартиру. На кухне достала из коробки, которую привезла с собой, упаковки свекольного и капустного сока и набила ими овощной отдел холодильника.

— Куда повесить? — спросила она, протягивая свои вещи.

Я взяла куртку, повесила в шкаф к себе в комнату и снова вышла в гостиную. Мама уже лежала на диване с закрытыми глазами. Я размешала в чашке пакетик растворимого кофе и поставила на журнальный столик рядом с диваном.

— Ты слишком молода, чтобы заточить себя в этой глуши, — заметила она, все еще не открывая глаз.

— Здесь не глушь. И работа хорошая, — ответила я и замолчала, но через несколько мгновений все же спросила: — Мам, ты ведь бывала в Хвирёне? Навещала бабушку?

— Сама знаешь: мы не в таких отношениях. А что? Собралась увидеться?

— Нет, но...

— При первой же возможности возвращайся обратно в Сеул. Ты, случайно, не из-за зятя, ой, я имею в виду... В общем, не из-за него себя так ведешь? Боишься случайно встретить его?

— Я все равно бываю только дома или в лаборатории. Мне неважно, в Сеуле жить или в Хвирёне.

— А мне молодость твою жалко. Не помешало бы тебе найти кого-то. — Мама села и, подув на кофе, сделала глоток.

— Я прекрасно могу прожить и без мужчины, мам.

— Сама знаешь: разведенек никто ни во что не ставит. Обсуждают за глаза.

Я молча посмотрела в окно. «Мне лучше всех об этом известно, мам». Люди пахнут землю трактором. Видимо, собираются что-то посадить. Летом и осенью пейзаж за окном будет что надо. Нет смысла подгонять человека — от этого ничего не изменится. Никто ведь через силу не пашет землю зимой.

— Мир изменился, мам. Не думай, что сейчас все так же, как и в твои времена.

— Пусть и плохонький, а муж есть муж. За ним как за каменной стеной. Женщина должна быть при мужчине, чтобы люди не относились к ней как попало.

— Мам!

— Я побольше твоего прожила — знаю, что говорю.

Не в силах больше сдерживаться, я вышла из квартиры. Нельзя прожить без мужчины? Кто бы говорил — ее саму всю жизнь эксплуатировала семья

мужа. Да так, что у нее даже не было времени поехать в гости к собственной матери. Выйдя замуж за старшего сына в семье с тремя сыновьями, мама никогда не ездила на праздники к своей родне. На каникулах у нас иногда гостили папины родственники, но бабушка не приезжала ни разу. Хотя отношения с бабушкой разладились не только по этой причине, маме так или иначе было бы сложно видаться с ней.

«И все-таки хороший у меня зять», — постоянно приговаривала мама. Твердила, что если мужчина не бьет, не играет в азартные игры и не изменяет, то он уже идеал и на большее рассчитывать не стоит. В этом смысле мой бывший муж был для мамы хорошим. До тех пор, пока не стало известно о его изменах.

Мама всегда повторяла, что надежда есть только в замужней жизни, но, если прислушаться к ее словам, казалось, что это именно у нее нет никакой надежды на мужчин. Ведь если довольствоваться только тем, что мужчина не бьет, не играет в азартные игры и не изменяет, то это какое-то поразительное отсутствие веры в людей.

Я бездумно шла вперед, пока не оказалась у супермаркета. Купив мороженое, побрела домой. Пытаясь глубоко дышать, чтобы успокоиться. Мама встретила меня безразличным взглядом. Я протянула одно мороженое ей, открыла другое себе и попыталась продолжить разговор как ни в чем не бывало.

Она поинтересовалась, не страшно ли мне жить одной, нравится ли новая работа. Посетовала, что некому будет присмотреть за мной, если я заболēju или что-то случится, ведь я здесь никого не знаю. Спросила, не одиноко ли мне, и сказала, что это ее беспокоит.

— Мне хорошо одной, мам, — больше мне нечего было ей ответить.

Я уже давно перестала надеяться, что она будет целиком и полностью на моей стороне или хотя бы попытается понять мои чувства. Даже когда я сказала, что развожусь, она беспокоилась больше не обо мне, а о зяте, который останется один после развода.

«О тебе-то я не переживаю. Но он же такой слабовольный, а если покончит с собой? Ты возьмешь на себя ответственность?» — с упреком спросила она меня тогда.

Услышав некоторые вещи, понимаешь, что никогда не сможешь их забыть. Для меня такими стали именно эти слова. Мама позвонила мне, чтобы пожаловаться на то, как ей тяжело из-за моего развода, как она страдает и хандрит. Более того, она сообщила, что даже позвонила моему бывшему мужу и пожелала ему счастья. Мою боль, судя по всему, она не брала во внимание.

Я знала, что людям всегда легче сочувствовать мужчинам. Поэтому они поливали грязью меня, упоминая о нашем разводе, и, даже прекрасно зная, что он изменял мне, искали в этом мою вину — ведь это я обязательно должна была дать ему повод для измен. Но от осознания того факта, что даже собственная мать сочувствует не своей дочери, а чужому сыну, напрочь игнорируя мою боль, я окончательно сломалась.

— Твой папа не рассказывает никому, что ты развелась, — равнодушно заметила она.

— Наверное, стыдится меня.

— И все равно таких, как твой отец, больше нет.

— Да ну?

— Как бы там ни было, отец есть отец. Не смей так говорить.

«Подумаешь, мужчина один раз изменил, это не причина для развода. Подумай, какую боль ты причинишь зятю. Ты должна быть великодушной. Все так живут», — сказал мне папа, когда я приняла решение о разводе. Меня не удивило, что он думал в первую очередь о зяте, а не обо мне. Потому что я никогда и не надеялась, что отец встанет на мою сторону.

Еще не село солнце, а мама встала с дивана и засобиралась. Я подвезла ее до автовокзала, а на обратном пути заметила старушек, которые, разбившись на группки по несколько человек, катили по дороге тележки.

Это был субботний вечер в конце марта. Возвращаясь с прогулки по окрестностям, я встретила на холме старушку. Мы уже несколько раз сталкивались с ней в лифте, и она каждый раз молча улыбалась и приветливо смотрела на меня. Она была модницей: щеголяла в разноцветных пуховиках — то в неоноворозовом, то в серебристом. В тот день она была одета в пепельно-розовую куртку и катила перед собой тележку канареечного цвета. Я кивнула в знак приветствия и хотела было пройти мимо, но она вдруг помахала мне рукой со словами:

— Сказали, что сегодня будут продавать дешевые яблоки — вот, сходила на фруктово-овощной рынок, недалеко тут.

— Понятно.

Она достала из своей тележки на колесах яблоко и протянула мне.

— Вот, попробуйте — медовые!

— Да что вы, не стоит.

Я заподозрила, что старушка хочет заманить меня в какую-нибудь религиозную секту, но продолжать отказываться от яблока было невежливо, так что мне пришлось просто сунуть его в карман.

— Фруктово-овощной рынок... Это тот, что возле мэрии?

— Там дешевле всего.

Мимо нас проехало несколько человек на скутерах. За спиной старушки сверкало море, окрашенное вечерними солнечными лучами в золотой цвет. Дул мягкий бриз.

— Вы не подумайте ничего странного, — сказала она. — Просто вы похожи на мою внучку. Дочь моей дочери. В последний раз я ее видела, когда ей было десять. — Старушка взглянула прямо мне в глаза. — Мою внучку зовут Чиён. Ли Чиён. А дочь — Киль Мисон.

Я внимательно всмотрелась в лицо этой женщины. Она только что назвала наши с мамой имена. Нужно было что-то сказать, но ничего не приходило в голову.

— Внучка живет в Сеуле, так что ей незачем сюда приезжать, — продолжила она, глядя мне в глаза.

— И все же я здесь, — ответила я.

Бабушка улыбнулась мне, словно ей давно уже все было известно. Мы стояли на холме, смущенно глядя друг на друга. Ее лицо приняло шутливое выражение, и я поняла, что она узнала меня с самого начала.

— Бабушка!

— Давно не виделись, — кивнула она в ответ.

В тот день, возвращаясь вместе домой, мы почти не разговаривали. Казалось, что бы мы ни сказали, неловкости не избежать. В лифте я нажала на кнопку пятого этажа. Бабушка нажала на десятый и заметила:

— А ты высокая, в маму.

— Да... наверное.

Во время этого краткого диалога я рассмотрела ее вблизи. Густые для ее возраста, коротко остриженные некрашенные волосы, широкий лоб, продолговатые глаза с гладкими, без складки веками, нос прямой и высокий; над верхней губой тянулась ложбинка, покрытая нежным пушком, губы — полные, почти лиловые. От уголков глаз и рта разбежались тонкие смешливые морщинки, а переносицу прорезали две глубокие складки.

Ростом бабушка была немного ниже меня, но спину держала ровно. Морщинистая рука, которой она опиралась на тележку, была покрыта коричневыми пигментными пятнами. В ней не было почти ничего схожего с мамой. Я вспомнила мамин узкий лоб и черные волосы, которые она постоянно красит, потому что ненавидит седину.

Единственным чувством, которое я испытала от воссоединения с бабушкой, была неловкость. Она

казалась настолько незнакомой, что я даже ненадолго засомневалась, действительно ли эта пожилая женщина — та самая моя бабушка, которую я знала в далеком детстве. Еще я беспокоилась о том, что должна сказать ей при следующей встрече, не станет ли она вмешиваться в мою жизнь только на том основании, что она моя родная бабушка, не узнают ли все вокруг, что я ее внучка, приехавшая из Сеула, вопреки моему желанию жить анонимно.

В следующий раз я увидела бабушку утром через несколько дней, по дороге на работу. На парковке стоял грузовичок, в который по очереди усаживались несколько старушек. Все они были одеты в пеструю рабочую одежду. Наблюдая за ними, я встретила глазами с бабушкой, которая в этот момент тоже собиралась сесть в грузовик. Она приветливо улыбнулась и помахала мне рукой. Я застыла на мгновение, но тоже помахала ей в ответ.

— Давай, а то опоздаем, — торопили ее старушки, и она тоже погрузилась в автомобиль.

— Я на сдельщину еду, сдельщину! — крикнула мне бабушка. — Пока!

Я молча наблюдала, как грузовик быстро скрывается из моего поля зрения.

Если бы у меня не было воспоминаний о бабушке из детства, я бы, возможно, чувствовала только ненужное давление от встречи с ней. Но мне тридцать два, и я все еще помнила, как она рассказывала мне истории, над которыми мы вместе когда-то смеялись.

В бабушкиных глазах я выгляжу не как внучка, а как незнакомая женщина за тридцать, с которой сложно иметь дело. Я для нее не милая любимая внучка, которую хочется оберегать, а всего лишь

ребенок дочери, да и с той они не ладят. Меня не смущали щекотливость, неловкость и сложность наших отношений, но удивляло некое слабое подобие привязанности, которое скрывалось где-то на дне под этими эмоциями.

Когда следующим вечером я столкнулась с бабушкой в супермаркете, неловкости, которой я остерегалась, не возникло. Она шла к кассе, неся в корзинке бутылку густого соевого соуса и пачку растворимого кофе в пакетиках. Я встала в очередь за ней.

— С работы идешь? — поинтересовалась она.

— Да, вот купила поесть по пути домой, — ответила я, указав на клубнику, яблоки, хлопья, молоко и кимчи в моей корзинке.

На этом разговор прервался. Я не могла придумать подходящую для беседы тему, и бабушка, судя по всему, тоже. Расплатившись, она сложила свои покупки в тележку и направилась к выходу. Я тоже заплатила за свои продукты и догнала ее.

— Я вас подвезу.

— Все в порядке, тут же всего пять минут пешком. Не беспокойтесь, — обратилась она ко мне на «вы», видимо, почувствовав неловкость.

— У вас тяжелые пакеты, давайте я вас подвезу. Мне же все равно по пути.

— Ну хорошо, буду признательна...

Наблюдая за тем, как она садится в машину, я заметила, что, несмотря на прямую осанку, бабушке тяжело сгибать поясницу. Когда она выходила, ее движения тоже были медленными. Как бы бодро она ни выглядела со стороны, все равно старость брала свое. Я шла к лифту не спеша, подстраиваясь под ее темп.

— А чем вы обычно занимаетесь?

Она ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

— В страдную пору езжу на сдельщину в соседнюю деревню...

— А что такое сдельщина?

— Ну как? Сдельщина. Не знаешь, что ли?

Я пожала плечами.

— Это когда помогаешь на поле. Я-то старая уже, одной не по силам работать — вот мы и ездим с другими бабками на виноградник, помогаем там понемногу. Ножницами орудуем, вот так, — произнесла она, изображая пальцами ножницы. — Ветки обрезаем, а когда виноград вырастает, накрываем его целлофаном, потом в коробки складываем. Такие дела.

— Но в вашем возрасте...

Бабушка улыбнулась:

— Тяжко просто сидеть и ждать, пока смерть за тобой придет. А так и с подругами поболтать можно, и денюжат заработать. Красота! Подвигаешься малость, и ночью потом хорошо спится.

Я не ожидала, что лифт будет так медленно ехать с седьмого этажа. Не зная, о чем еще можно поговорить, после небольшой паузы я сказала:

— А чем вы занимаетесь, когда не работаете?

— Я-то? Лежу, телевизор смотрю или в клуб для стариков захоживаю. Ничего особенного.

В этот момент лифт спустился, мы зашли и молча уставились на электронное табло с номерами этажей. Но когда я уже выходила на свое, бабушка, словно пытаясь удержать меня, сказала:

— Будет время — заходи в гости. Но только если будешь свободна! Если занята, не приходи!

Я отправилась к ней в воскресенье, вскоре после нашего разговора. Мы условились о встрече, когда в очередной раз случайно столкнулись в лифте. Я сказала, что как-нибудь зайду, и она так сильно обрадовалась, что мне от растерянности пришлось назначить конкретный день.

Я сходила на рынок за свежими розами, купила в магазине неподалеку бутылку вина и маленький торт со взбитыми сливками. В лифте я нажала на кнопку десятого этажа вместо пятого. Пройдя вперед по коридору, я увидела, что дверь в квартиру открыта нараспашку. Из нее по подъезду разносились запахи вареного риса, супа и жареной рыбы. Я остановилась перед дверью и позвала:

— Бабушка!

Она появилась в прихожей, наряженная в горчичное платье и домашние тапочки с цветочным узором.

— Проходи, проходи! Цветы? Ну что ты, не стоило, — замахала она руками.

На стене в прихожей висела картина маслом с изображением трех яблок. Планировка квартиры была такой же, как у меня. На балконе листья капусты были разложены на сушке для белья, а в большой корзине лежало несколько мандаринов сорта «халлабон»*. Три тележки стояли в ряд, на них висели неразобранные сетки с зеленым и репчатым луком, яблоками, чесноком и сушеной морской капустой. Я прошла на кухню и поставила торт с вином рядом с раковиной. Вся кухня была наполнена запахом имбиря.

* Особенно ценный сорт мандаринов с острова Чечжудо, назван в честь горы Халласан.

— Сядь вон там, подожди, — скомандовала бабушка, почти подталкивая меня к дивану, когда я предложила ей свою помощь.

Это был трехместный коричневый диван из кордовой ткани. Подлокотники были стерты до блеска, а сиденья сильно проседали. Решив, что для моей спины это слишком, я тихо сползла с дивана на пол. Напротив стоял маленький телевизор, но экран мелко дрожал и шипел. В углу за телевизором бросался в глаза огромный треугольник стены без обоев.

— Давайте я хотя бы разложу приборы, — предложила я, не зная, куда себя деть.

Бабушка замахала руками:

— Иногда надо уметь просто быть гостем.

Я осталась сидеть на месте, уткнувшись взглядом в обеденный стол на четыре персоны. Он выглядел так, словно им почти не пользовались. Бабушка принесла на подносе закуски и приборы и поставила их на стол. Передо мной поочередно возникли жареная камбала, морская капуста, перцовая паста с уксусом, тушеная редька и кимчи из молодой редьки. Затем последовали рис с каштанами и фасолью и капустный суп. Вместо воды бабушка налила мне травяной чай с семенами кассии торы*. Мы сели друг напротив друга и взяли палочки для еды.

— Спасибо, выглядит очень вкусно, — сказала я.

— Ох, я забыла положить чеснок, не знаю, как будет на вкус, — пробормотала бабушка и озабоченно уставилась на меня.

Суп оказался немного пересоленным, но все же довольно аппетитным.

* Традиционный тонизирующий чай.

— Вкусно.

Бабушка покосилась на меня с подозрением.

— Честно. Капуста хорошо проварилась, мягкая, очень вкусно.

— А соль как, нормально?

— Да.

Только теперь бабушка тоже поднесла ложку ко рту.

— Да, и правда вкусно. — С этими словами она засмеялась, и мне в глаза бросились ее губы, окрашенные темно-розовой помадой.

Кажется, она даже сделала укладку, потому что ее волосы выглядели объемно. Я удивилась, осознав, что бабушка очень постаралась, чтобы хорошо выглядеть передо мной. Убрав косточки, я положила мякоть камбалы на ее рис. Немного подсушенная мякоть была жилистой, а жаренная в масле корочка ароматно пахла. Я собиралась поесть немного из вежливости, но у меня вдруг разыгрался аппетит, и я накинулась на еду. Давненько мне уже не приходилось ощущать такого приятного чувства сытости. В итоге я даже не заметила, как опустошила целую чашку риса, не перемолвившись с бабушкой и словом.

— Еда вкуснее, когда ешь с кем-то, — заметила она.

В этом я не могла с ней согласиться, но все равно кивнула. Вкус еды зависит от того, с кем ты ее ешь. Очень часто мне было намного удобнее есть в одиночестве за просмотром «Нетфликса». Но рядом с бабушкой еда и правда казалась вкусной. Есть вместе с ней было вкусно.

— Будешь еще?

— Нет, спасибо, я наелась. А еще торт...

— У кого-то сегодня день рождения? — с улыбкой поинтересовалась бабушка.

— Просто торты ведь вкусные.

— И то верно.

— Вы тоже любите торты?

— А как же! — шутливо ответила она.

Мы вместе убрали со стола. Оклеенные светлозелеными обоями кухонная зона и стенной шкаф были довольно старыми, а у одного из посудных шкафчиков отвалилась дверца. Но в целом все выглядело неплохо. На раковине стояла кружка с травой минари*. Я протерла стол полотенцем, а бабушка разрежала торт и положила по кусочку на отдельные тарелочки. Затем мы налили в стаканы для воды вина и стали медленно пить.

В тот день бабушка не спросила у меня ничего о моей ситуации. Она, скорее всего, слышала от мамы о том, что я была замужем, но все равно не стала ничего спрашивать об этом. Вместо этого она интересовалась, что я изучала в университете, чем занимаюсь на работе, как провожу свободное время.

— А у вас очень хорошая кожа, прямо светится, — заметила я.

— Все так считают. Когда хожу в клуб для стариков, все говорят, что можно не включать лампочки. Потому что мое лицо освещает все вокруг.

Поведение бабушки, отбросившей притворную скромность, показалось мне забавным, и я рассмеялась.

* Съедобная зелень, по вкусу похожая на петрушку, часто употребляемая в пищу в Корее и других странах Азии.

— У мамы ведь тоже хорошая кожа. Такая мягкая, и прыщей не бывает. В этом я на нее не похожа. Да если честно, и вообще ни в чем.

— Я тоже с твоей матерью не особо похожа. Она — копия твой прадед.

— Я и на папу не похожа.

Бабушка внимательно всмотрелась в мое лицо и сказала:

— А я знаю, на кого ты похожа.

— И на кого же?

— Погоди-ка.

Бабушка ушла в спальню и через несколько минут появилась, держа в руках фотоальбом.

— Посмотри. — Она открыла альбом и протянула его мне.

С фотографии мне улыбались две женщины, одетые в белые чогами* и черные юбки. Мне в глаза бросилась та, что стояла слева. Волосы женщины были разделены ровным пробором посередине и скручены в пучок на затылке.

— Кто это? — спросила я, указывая на ее лицо пальцем.

Бабушка слегка дотронулась до фотографии.

— Можно сказать, что это ты, и люди поверят.

И она погладила краешек альбома.

Темные глаза, один с двойным веком, другой без, не слишком густые брови, круглый лоб и короткий подбородок и даже маленькие уши — женщина на снимке была вылитая я. Не только внешность, но и ее поза и выражение лица были схожи с моими.

* Традиционная блуза с бантом национального корейского костюма ханбок.

Заметив, что я не могу отвести глаз от фотографии, бабушка спросила:

— Ты что-нибудь слышала о моей маме?

Я помотала головой. «У меня нет родни» — это единственное, что я слышала от своей мамы.

— И то верно. Мы ведь с тобой почти не виделись, — покачала головой бабушка, но по ее голосу чувствовалось, что она расстроена из-за того, что моя мама ничего не рассказывала мне о своей бабушке. Повисла тишина.

— А как звали прабабушку?

— Ли Чонсон. Но все звали ее Самчхон, тетушка Самчхон.

— Почему?

— Потому что она была родом из Самчхона.

— А где это? Я впервые слышу.

— Это местечко в трех часах езды на поезде от Кэсона*.

— Это же ваша родина!

Я знала, что бабушка родом из Кэсона, потому что как-то раз мельком слышала об этом от мамы.

— Да. Мама перебралась в Кэсон до моего рождения. Ей тогда только исполнилось семнадцать.

За окном уже садилось солнце. Я понимала, что пора идти домой, но уходить не хотелось. Мне было интересно послушать, что расскажет бабушка. Я молчала, но все же осмелилась спросить:

— Какой она была?

— Кто? Моя мама?

— Да.

* Город в провинции Хванхэ-Пукто на юге КНДР.

Бабушка хотела что-то сказать, но вдруг передумала, потом снова открыла было рот и опять промолчала. Улыбка, не покидавшая все это время ее лицо, теперь исчезла, и она о чем-то глубоко задумалась.

— Знаешь... — наконец произнесла она, глядя на меня, — я по ней скучаю.

Бабушка некоторое время внимательно разглядывала мое лицо, словно перед ней сидела ее мать, а потом с усилием улыбнулась:

— Просто я очень сильно по ней скучаю.

Увидев, что в ее глазах стоят слезы, я испугалась и отвернулась, сделав вид, что ничего не заметила.

— Прости, что-то я совсем расклеилась, — с этими словами бабушка залпом выпила остатки вина.

Некоторое время мы не произносили ни слова. Я долила еще вина в ее пустой стакан и спросила:

— А фотографий прадедушки у вас нет?

— Нет, — с улыбкой посмотрела она на меня.

— Каким он был?

Бабушка задумалась, прежде чем ответить:

— Мой отец родился в семье плотника. Говорили, дедушка занимался гончарным делом. Раньше ведь были гонения на самых первых католиков в Корее. А мой отец был их потомком.

Самый первый предок в нашей семье, который начал верить в Бога, был конюхом. Когда господин, которому он служил, внезапно заявил, что с этого момента они больше не хозяин и слуга, а товарищи, предок решил, что тот окончательно лишился рассудка, и пожалел его. По словам бабушки, до сих пор непонятно, как так вышло, что в итоге он стал католиком вслед за хозяином. Три года спустя их